Материалы конференции «Великие реформы и модернизация России»

(СПб, 03.03.2011)

Выступление Д.А.Медведева, Президент Российской Федерации

Было бы странно, если бы сегодня мы не охарактеризовали эти реформы как абсолютно исторические. Их внимательное изучение является безусловным приоритетом и для науки, и для всех, кто занимается политической практикой, для всех, кто верит в развитие современной России. Конечно, их внимательное изучение абсолютно необходимо в процессе модернизации, которая идёт в нашей экономике, да и в нашем обществе в целом.

Известно, что эпоха Великих реформ (именно этому сегодня посвящена конференция и те доклады, которые уже прозвучали и, я уверен, ещё прозвучат) началась с отмены крепостного права. 150-летие этой даты мы сегодня и вообще в этом году отмечаем в нашей стране. Манифест об этом был подписан Александром II в Санкт-Петербурге. Только что я держал его в руках. Конечно, это абсолютно уникальный документ по своему содержанию, по количеству усилий, которых он потребовал, и, конечно, по значению для нашей Родины.

Петербург — особый город. Этот город создавался Петром, создавался как город преобразований. И Петербург стал символом сближения нашей страны с Европой.

И в XIX в., когда страна вновь встала перед выбором, здесь было положено начало тем масштабным преобразованиям и экономическим переменам, которые в тот период активно происходили в европейских государствах: где-то они уже к тому времени произошли, где-то они ещё в тот момент не состоялись. И это было веление времени.

Россия тоже должна была измениться, стать передовой страной, которую объединяют с Европой единые ценности. И этот решающий шаг, шаг к развитию и свободе, был совершён в тот период. Прежде всего было упразднено крепостничество, которое веками унижало права, человеческое достоинство миллионов русских людей. Обретение личной свободы дало им возможность стать полноценными подданными Российской империи, по возможности проявлять свою инициативу и выражать собственное мнение.

Конечно, не следует идеализировать ситуацию, которая сложилась сразу же после проведения реформ, но смысл был именно в этом: она способствовала социальной мобильности, способствовала увеличению городского населения, стимулировала переход к капиталистическим формам хозяйствования и, в конечном счёте, открыла путь России к экономическому прогрессу, к развитию, к развитию внутреннего рынка, к развитию промышленности.

Вслед за земельной, как известно, последовали земская и городская реформы, которые изменили структуру местного самоуправления. Всё это крайне актуально для нашей страны и сегодня.

Серьёзные преобразования произошли и в судопроизводстве. В России впервые за её уже тогда тысячелетнюю историю появился состязательный процесс, суд присяжных, мировой суд, адвокатура. Реформирование народного просвещения открыло тогда доступ

к образованию всех сословий. Университеты в тот период также получили определённую независимость, но только определённую, конечно. Были до определённых границ также ослаблены и тиски цензуры, которая до того времени была одной из самых жесточайших в Европе.

Василий Ключевский отмечал, что в продолжение столетий, предшествовавших 19 февраля 1861 г., у нас не было более важного акта, который бы до такой степени определил собой направления самых разнообразных сфер нашей жизни. Очевидно, что этих преобразований тогда ждала вся страна. За эти преобразования ратовали лучшие умы России, и они были поддержаны и проведены императором Александром II, которого совершенно справедливо называют «Освободителем». Великие реформы были, безусловно, для него величайшим испытанием и исключительно смелым поступком, этого нельзя забывать.

Достаточно вспомнить, что о необходимости отмены крепостного права, а по сути рабства, размышляли и Екатерина Великая, и Александр I. Император Николай, как известно, учредил 9 секретных комитетов по аграрной проблеме, неоднократно заявлял о том, что хотел бы отпустить крестьян с землёй. Но никто из этих, кстати сказать, далеко не робких правителей нашей страны так и не решился на осуществление революции сверху.

Освободить Россию от несправедливого, архаичного и бесчеловечного порядка суждено было именно Александру II. Как любого человека, который берётся за осуществление кардинальных преобразований, его, естественно, отговаривали — отговаривали много, отговаривали по разным поводам. Утверждали то, что утверждают всегда: что страна распадётся, что наступит хаос; что особенно примечательно, обычно говорят, что народ к свободе не готов, он её не любит и не примет и вообще ему эта свобода просто не нужна.

Как и любого реформатора, его, конечно, редко благодарили. Один из его современников заметил: «Что бы ни делал государь, все дела его встречала критика и нетерпеливые требования». Но Александр II как великий реформатор знал, что Россия должна встать в один ряд с другими европейскими государствами. Он понимал, что свобода ей нужна, что свобода России кровно необходима. Известны его слова: «Я слишком убеждён в правоте возбуждённого нами святого дела, чтобы кто-либо смог меня остановить».

И крепостное рабство в нашей стране было ликвидировано — кстати, раньше, чем во многих других странах, включая те же самые Соединённые Штаты Америки. Конечно, речь тогда не шла ни о какой демократии, ни о становлении зрелого гражданского общества, да и сами понятия этих явлений в тот период были другие. Но самое главное — был сделан выбор. Свобода впервые, может быть, за всю тысячелетнюю историю России стала ценностью, это самое важное. А тот, кто её принёс, отдал за неё свою жизнь.

Споры о том, что произошло с нашей страной впоследствии, вряд ли когда-то прекратятся. В этом суть человеческого поиска, суть исторических изысканий. Но эти вопросы останутся. Как получилось, что стремление к свободе через несколько десятилетий обернулось в нашей стране большевистской диктатурой? Кто несёт за эту диктатуру большую ответственность: те, кто медлил с реформами, откладывал их, или, наоборот, те, кто действовал слишком поспешно, требовал слишком многого в очень сложной ситуации? Были ли неизбежны реакция эпохи Александра III, чрезмерный радикализм первых российских парламентов? Наконец, был ли неизбежен октябрьский переворот и последующий ГУЛАГ? Некоторые считают, что трагическая история нашей страны в XX в. явилась следствием неудачной прививки свободы, что были правы те скептики, которые считали, что великие реформы непригодны для народа нашей страны.

Я придерживаюсь другой позиции. Александр II получил в наследство страну, основными политическими институтами которой были крепостничество и военно-бюрократическая вертикаль власти. За внешним могуществом империи — а пыль в глаза мы всегда умели пустить — он разглядел слабость и бесперспективность этих институтов. Неэффективная экономика и неадекватная целям развития социальная структура общества грозили стране неминуемым крахом.

Александр II и, конечно, его единомышленники отказались от традиционного уклада, хотя это было чудовищно трудно, и указали России путь в будущее. И в этом их величайшая заслуга. Этот путь оказался долгим и очень-очень трудным. Конечно, этот путь не завершён и сегодня. Но ни одной нации в мире свобода, справедливость, последующее экономическое процветание никогда не давались легко и быстро.

Я надеюсь, что Россия XXI в. будет свидетельством безусловной правоты и дальновидности реформаторов XIX в.

Мы сегодня стараемся развить наши совсем ещё несовершенные демократические институты, стараемся изменить нашу экономику, меняем политическую систему. По сути, мы все продолжаем тот курс, который был проложен полтора века назад. Причём хотел бы обратить внимание, что жизнеспособными оказались не фантазии об особом пути нашей страны и не советский эксперимент, а проект нормального, гуманного строя, который был задуман Александром II. И в конечном счёте в историческом масштабе прав оказался именно он, а не Николай I или Сталин.

Для нашей практической работы опыт того далёкого времени по-прежнему актуален. Я назову сейчас несколько позиций, которые считаю важными сегодня. Это, кстати, переосмысление того опыта, который был выработан 150 лет назад.

Во-первых, нельзя откладывать свободу на потом и нельзя бояться свободного человека, который каким-то неадекватным образом распорядится своей свободой. Это путь в тупик.

Во-вторых, политические и социальные преобразования должны быть продуманными, рациональными, постепенными, но неуклонными.

В-третьих, врагами свободного развития и впредь будут нетерпимость, экстремизм и их крайнее проявление — терроризм. Я напомню, что террор как явление, как колоссальная проблема для нашей страны, по сути, появился практически вместе с великими реформами.

В-четвёртых, надо помнить о том, что государство является не целью развития, а инструментом развития. И только включение всего общества в эти процессы может дать правильный положительный эффект. И только в этом случае мы имеем шансы на успех.

В-пятых, необходимо помнить о том, что нация является живым организмом, а не машиной для воспроизводства господствующих идей. Она не может держаться на закрученных гайках. И очевидно также то, что избыточно суровые порядки, избыток контролёров обычно ведёт не к торжеству добра; а если выражаться современным стилем, не к победе над коррупцией, а к её усилению, не к развитию системы, не к повышению качества управления, а к деградации управления. Поэтому крайне важно давать обществу шансы для самоорганизации.

Авторы Великих реформ и Александр II не только думали о будущем, но и творили его. И это самое сложное: практическая политика всегда сложнее самых красивых построений. Но они верили в то, что преобразования можно провести без хаоса и насилия, что можно превратить отсталую и крепостную Россию в современную страну, современную и свободную страну.

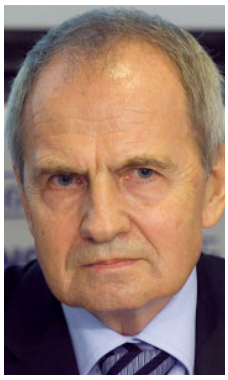
Модернизация и прогресс всегда направлены на расширение пространства свободы в обществе, в международных отношениях, конечно — в повседневной жизни, направлены на то, чтобы отдельная жизнь была под охраной государства, чтобы основные права и свободы были защищены этим государством.

Свобода от страха, от унижений, от бедности, от болезней, свобода для всех — такова, на мой взгляд, и наша сегодняшняя цель развития. При этом это не просто высокие слова — это на самом деле потребность любого разумного и современного человека. Это может облекаться в различную словесную оболочку, но именно об этом мы думаем практически каждый день.

В следующем году мы будем отмечать 1150-летие российской государственности — ну, если стоять, конечно, на канонической точке зрения. Хотел бы вас проинформировать о том, что я подписал сегодня Указ об организации соответствующих мероприятий.

Наше государство, наша страна существует уже более 11 веков. Это государство было разным, очень разным: менялись формы правления, менялся политический режим, менялись стратегические цели его развития, конечно — менялся образ жизни. Наша история была очень бурной и драматичной, и, конечно, мы можем очень многое понять, изучая её. Но надеюсь, что всё-таки за последние 150 лет главное мы поняли: поняли, что свобода всегда лучше, чем несвобода.

Выступление В.Д.Зорькина, Председателя Конституционного Суда Российской Федерации



В истории каждого государства есть ключевые для народной памяти даты. Для России одной из них является 03.03.1861. В этот день Александр II, получивший от российского общества почетное именование «Освободитель», подписал Манифест о даровании крепостным прав состояния свободных сельских обывателей.

Манифест положил начало широкомасштабной модернизации всей системы общественных отношений в России. Главная цель Манифеста выражена в его заключительной фразе. Царь-освободитель, обращаясь к народу, призывает народ просить Божия благословения — на что? На *свободный* — именно свободный! — *труд как залог домашнего благополучия каждого человека и блага общественного.*

Заключительная фраза в манифестах, призванных изменять жизнь народную, всегда имеет особое значение. В заключительной фразе обсуждаемого нами здесь судьбоносного Манифеста «свободный

труд» сопрягается не только с «благополучием каждого человека», но и с «благом общественным». Это триединство: «свободный труд и свобода вообще» — «личное благополучие» — и «общественное благо» — и поныне является важнейшим ориентиром для нас всех. А в 1861 г. указание на подобное триединство было воспринято с подлинным ликованием.

Кто-то скажет: «Стоит ли придавать такое значение словам?». Тому, кто так скажет, стоило бы напомнить, что «в начале было Слово». И добавить, что всегда, покуда есть человечество, и человечество алчет блага, а значит, и преобразований, к этому благу ведущих, — в начале будет Слово. Оно и только оно.

Но не зря ведь сказано, что «Слово было в начале». То есть, что за словом нечто последовало. Если за словом не следуют дела — слово и впрямь мало что значит. Последовали ли дела за тем великим словом, которое содержалось в Манифесте? Да, безусловно.

За Манифестом последовала широкая серия либеральных реформ. Из них судебная была самой кардинальной. Именно благодаря последовавшей за Манифестом судебной реформе в суды пришли равенство сторон, господство закона, а значит, и подлинное стремление к правосудию.

Но ведь были и другие реформы, последовавшие за великим словом царя-освободителя. Земская реформа. Реформа городская. Военная реформа. Реформа образовательная.

Эти великие реформы 60-70-х годов XIX в. стали крупнейшим прорывом от несвободы к свободе в ключевых сферах общественной жизни России.

Но почему же тогда эпоха великих реформ сменилась эпохой контрреформ? Почему было упущено драгоценное историческое время? Почему в очередной раз захлопнулось «окно возможностей»? Почему в очередной раз не свершился долгожданный переход к свободе? Почему вместо такого перехода началось блуждание по лабиринту смуты и несвободы?

Споры о причинах тогдашних неудач продолжаются и поныне.

Была ли главной причиной внутренняя противоречивость основной — крестьянской — реформы, пытавшейся сочетать несочетаемое: дарование свободы и сохранение зависимости? Или же причиной была неготовность к преобразованиям основных слоев общества, чье правовое сознание было деформировано веками крепостного рабства?

Только ли косностью следует объяснять послереформенную ностальгию крестьянства по дореформенным временам? Или же реформаторы, стремясь, конечно же, к великому благу, чего-то не учли, наступили, образно говоря, на какие-то исторические грабли? Какие? Как обнаружить, в чем суть их тогдашней ошибки? Ибо если они хотели, чтобы страна прорвалась к свободе, а страна к ней не прорвалась, то мы просто не имеем права не обсуждать их ошибки. Отдавая дань и благородству их помыслов, и историческому масштабу совершенных ими деяний.

Мы знаем, что крестьяне после реформы нередко сожалели о старом времени, когда, по их словам, обращенным к помещикам, «мы были ваши, а вы — наши». Имеем ли мы право называть подобную ностальгию рабской? Рассуждать об идиотизме крестьянской жизни и всем том, что этот идиотизм порождает?

Даже если бы все было именно так (а я уверен, что это не так), все равно ответственность за срыв реформ лежит на реформаторах. Она по определению всегда лежит только на них. Ибо, дерзая изменить народную жизнь, они должны учитывать реальность этой жизни. Недоучет реальности всегда чреват губительными последствиями.

Да, косность, застой — морально недопустимы и политически губительны. Но и реформаторский романтизм — ничем не лучше. Тем более что каждый порыв реформаторского романтизма всегда сменяется судорогой контрреформаторской косности.

Благодаря последовавшей за Манифестом судебной реформе в суды пришли равенство сторон, господство закона, а значит, и подлинное стремление к правосудию

Но разве сопротивление крестьян великим преобразованиям являлось только синдромом рабства и архаической дикости? Убежден, что такой вердикт был бы крайне несправедлив с моральной и ценностной точки зрения. А будучи несправедливым — оказался бы и политически вредным.

Народ не хотел разрушения сложившихся коллективистских форм. Он инстинктивно понимал, что разрушение этих форм окончательно разорвет его связи с собственной элитой. Конечно, народ стремился освободиться от несвободы, связанной с определенными формами коллективизма, воспевать которые я вовсе не собираюсь. Но народ одновременно с этим не хотел освобождаться от коллективизма вообще. Понимая, что такое освобождение может обернуться вскоре качественно новыми формами порабощения.

Это очень тонко подметил и точно выразил в свое время Н.А.Некрасов:

«Распалась цепь великая,
Распалась и ударила.
Одним концом — по барину,
Другим — по мужику».

Как мы видим, народ был в чем-то прав. Ведь, к сожалению, великие реформы того времени — а они и впрямь были великими — не только не смогли

преодолеть, но отчасти и углубили взаимное отчуждение широких народных масс — и социальной элиты, власти, государства в целом.

И именно это ***отчуждение власти от народа, государства от общества*** — сыграло решающую роль в торможении модернизационных реформ, на которые возлагали такие большие надежды просвещенные слои России во второй половине XIX в. Модернизация, в том числе и правовая модернизация, была отторгнута этим отчуждением широчайших социальных групп и от ее целей, и от ее средств.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что сегодня, когда страна вновь стоит перед вызовом острейшей необходимости ускоренной модернизации, нам особенно важно понять причины провала освободительных реформ XIX в. Впечатляющие успехи которых очень скоро (по историческим меркам) были смыты волной террора и революций. Ведь незнание (или, что то же самое, непонимание) своей истории чревато повторением прежних ошибок.

В любом случае, недопустимо искать в неудачах модернизационных усилий России роковую предопределенность. И утверждать, что на пути модернизации — непреодолимое препятствие в виде порочности, которая сродни первородному греху. И носит то ли фундаментально-исторический, то ли фундаментально-культурный, то ли иной, еще более фундаментальный, характер. Ведь именно этим сейчас, увы, балуются люди, называющие почему-то себя либералами. Хотелось бы напомнить им, сколь долгим и мучительным был западный путь к справедливой и эффективной правовой системе. Как долго там отлаживали правовые системы, приспосабливая их к исторической специфике, традиции и культуре. И сколько неудач и разворотов вспять было на их пути.

Думается, что помимо таких — обязательных, но банальных — напоминаний, стоит поговорить и о гораздо более серьезных вещах. Вспомнить, например, что, начиная с раннего Средневековья, основой и источником права являлся синтез глубоко укорененной в обществе системы религиозных моральных норм — и всеобъемлющего обоснования этой системы норм в религиозной этике.

Именно обеспечению этого синтеза были посвящены изыскания отцов церкви, начиная с Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, Фомы Аквината, и далее множества их последователей в католицизме, протестантизме, православии.

Произошедшая в XIX в., начиная с кодекса Наполеона, формальная секуляризация правовых систем — в своем фундаменте, как блестяще показал, например, Макс Вебер [1], имела все ту же совокупность массовых моральных норм, включавшую как индивидуальные «санкции совести», так и социальные «санкции общества» за их нарушение. И лишь затем и на этой основе — законодательные санкции сильного и эффективного государства, которые и моральный индивид, и моральное общество признавали справедливыми.

Но для того, чтобы эта система оснований права приобрела устойчивость и дееспособность, нужны были базовые условия, которые надо и выявить, и обсудить.

Первое всенепременнейшее условие — наличие в обществе устойчивого социального ядра из активных людей, обладающих устойчивой системой моральных ценностей, заинтересованных в свободном развитии своего творческого потенциала и способных отстаивать свободу вопреки стремлениям элит, всегда поддающихся искушению выстраивать правовую систему «под себя».

Второе, столь же существенное, условие — наличие сильной (и именно сильной!) демократической государственной власти. Которая только лишь и может обеспечить важнейшие предпосылки справедливого правоприменения.

Итак, в системе оснований права — **двуединство устойчивого в своих нравственных ценностях и заинтересованного в свободном развитии гражданского общества, с одной стороны, и сильного демократического государства, с другой.**

Выдающиеся российские политические и религиозные мыслители, анализируя опыт «великих реформ», уверенно шли к пониманию необходимости этого двуединства. Именно в этом русле лежит, в частности, концепция «охранительного либерализма», выдвинутая Б.Н.Чичериным [2]. Суть этой концепции, предложенной им в качестве идейной основы либеральных преобразований, он выразил формулой: «Либеральные меры и сильная власть». И уточнил: *«либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан», и «сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением законов... разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий».*

Начиная с раннего Средневековья, основой и источником права являлся синтез глубоко укорененной в обществе системы религиозных моральных норм

Но нельзя забывать, что эту формулу Чичерина очень содержательно дополнили такие русские религиозные мыслители, как, например, А.С.Хомяков, в своей «этике соборного добра» доказывающий недостижимость личного совершенства, но возможность «соборного спасения». А также В.С.Соловьев, разработавший учение о «всеобщей организации нравственности» [3]. Они подчеркивали, что необ-

ходимым и важнейшим условием создания свободного морального общества является организация процесса нравственного воспитания масс.

Если под этим углом зрения оценивать реформы Александра II, то можно, видимо, сказать, что им не хватило не только либерализма и властной силы, но и этого самого нравственного воспитания масс.

Опять-таки, историки и социологи спорят, в какой мере это шло от деформаций массовой морали, связанных с долгой историей крепостного рабства, а в какой — от ослабления нравственно-водительской роли Церкви. И какие именно слагаемые российской социальной данности и ошибок власти привели в конечном итоге к катастрофе Империи и победе большевиков.

Однако нельзя не заметить, что большевики, после недолгих попыток ниспровержения «феодально-буржуазной морали», построив совсем не либеральное и вполне свирепое государство, очень активно занялись вопросом нравственного воспитания масс. Причем во многом обращаясь как раз к тем массовым моральным нормам, которые были укоренены в религиозном сознании народов СССР.

Не случайно во время Великой Отечественной войны некоторые фашистские офицеры с изумлением записывали в своих дневниках, что и невероятное упорство сопротивления советских войск, и поведение большинства населения на оккупированных территориях — свидетельствуют, вопреки утверждениям геббельсовской пропаганды, о наличии у этих «непонятных русских» высоких и устойчивых моральных принципов. И не случайно обнародованный в 1961 г. «Моральный кодекс строителя коммунизма» содержал ряд неявных адресаций к «Десяти Заповедям».

Процессы перестройки и последовавших рыночных реформ в новой постсоветской России более всего затронули отношения собственности и политических прав, а также связанные с ними правовые институты. Однако полученные обществом невиданные ранее политические и экономические свободы стали для подавляющей части общества далеко не только «глотком свежего воздуха».

«Сбрасывание с корабля современности», вместе со всем наследием советской эпохи, заодно и всего комплекса якобы «советских» моральных норм, — оказалось не менее глубоким, чем это почти столетие назад делали большевики. И самое здесь тревожное — то, что война с этими, якобы советскими, нормами обернулась почти тотальным навязыванием норм эгоистичного индивидуализма, не ограниченного никакими взаимными социальными обязательствами.

Отчуждение масс от элит и власти, которое когда-то предопределило провал «великих реформ», в результате дополнилось еще более глубоким и всеохватным отчуждением, разрывающим на куски все ранее устойчивые социальные общности. То, что более двух веков назад удивляло великого философа права И.Канта, — *«звездное небо над головой и моральный закон внутри нас»* — перестало, как показывает бесстрастная социология, быть в постсоветской России сколько-нибудь значимым предметом массового внимания. «Моральный закон внутри нас», хоть как-то ограничивавший индивидуальный эгоизм в советскую эпоху, почти прекратил действовать. А новая система нравственных норм, способная удерживать еще только становящуюся социальность Новой России — увы, пока не сложилась.

При этом все мы сознаем, что Россия должна взять барьер полноценной модернизации. Понимаемой, прежде всего, как модернизация социально-нормативная, политическая и правовая, — поскольку без них оказывается невозможна и модернизация технологическая и экономическая. А для этого, повторюсь, необходимо обеспечить двуединство действительно либерального — то есть свободного и морального — гражданского общества и сильного демократического государства.

С позиций такого подхода я и хотел бы поговорить об основных базовых условиях и направлениях **правовой реформы** как важнейшей составной части модернизационной стратегии страны на современном этапе ее развития.

Суть такой реформы я вижу в поиске **оптимальной правовой модели сочетания либеральных мер и сильной власти,** т.е. системы мер, которые направлены на расширение свободы в разных сферах общественной жизни и на реализацию власти, которая обеспечивает общественный порядок, необходимый для осуществления либеральных преобразований.

Еще раз отмечу, что сейчас, когда говорят о модернизации применительно к России, обычно имеют в виду прежде всего модернизацию технико-экономическую, направленную на преодоление нашего отставания от развитых стран и в перспективе позволяющую обеспечить достойный жизненный уровень наших граждан. Для страны, в которой значительная часть населения все еще находится за чертой бедности, такая стратегическая ориентация вполне понятна и обоснованна.

Однако я убежден, что без масштабной социально-нормативной трансформации общества, ориентированной на формирование социального ядра, состоящего из свободных индивидов как носителей устойчивых нравственных ценностей, и соответствующих этой трансформации правовых реформ — любые наши модернизационные усилия окажутся тщетными. Более того, именно социально-нормативную трансформацию и правовую реформу следует рассматривать как необходимые стартовые условия эффективного модернизационного процесса.

Должен подчеркнуть, что правовая реформа в таком ее контексте и понимании еще никогда не провозглашалась в российской истории. Все, что делалось у нас в разные исторические периоды, сводилось в основном к судебной реформе, которая,

хотя и является сердцевиной правовой реформы, но не охватывает всех ее сторон, связанных с регулированием социальной, политической и экономической жизни.

Вообще говоря, строгого и общепринятого научного понятия правовой реформы нет. Для меня правовая реформа, если говорить очень кратко, — это создание *системных предпосылок* для того, чтобы наша Россия, наконец, «взяла правовой барьер», т.е. полностью состоялась как правовое, демократическое, социальное государство.

Иными словами, речь должна идти не просто о правовой реформе, а **о правовой модернизации** общественных отношений. Реформа — это преобразование формы того, что уже существует. Модернизация же предполагает еще и появление качественно новых идей, институтов и практик. В Евангелии сказано: «Не вливают вина молодого в мехи ветхие». Те из великих российских реформ XIX в., при проведении которых следовали этой истине (военная и судебная), увенчались успехом в гораздо большей степени, чем те, при проведении которых пытались влить «молодое вино» свободы в «ветхие мехи» разного рода сословных перегородок, «временных повинностей», административной опеки и т.д., как это было при проведении земской и крестьянской реформ.

Именно с этого момента новизны, придающего правовой реформе характер правовой модернизации, я и хотел бы начать разговор о проблемах и задачах такой реформы.

В наши дни идея Б.Н.Чичерина о сочетании либеральных мер и сильной власти звучит очень актуально. Однако в современных условиях понятие «сильная власть» должно быть наполнено новым, отвечающим духу и специфике времени, содержанием.

Для Б.Н.Чичерина сильная власть — это твердая и последовательная воля государя, опирающаяся на просвещенную бюрократию, эффективные силовые структуры и относительно небольшую активную часть общества, готовую к свободному труду для собственного благополучия и общественной пользы. В современных же условиях сильная власть не может не опираться на широкую общественную поддержку.

Очевидно, что для России (с ее огромной территорией, сложным геополитическим положением, неразвитым гражданским обществом, несформированной партийной системой, отсутствием устойчивых демократических и правовых традиций и т.д.), находящейся к тому же на крутом переломе своей истории, необходима сильная президентская власть. И не менее очевидно, что для такой президентской власти необходима эффективная система сдержек и противовесов, включающая самостоятельный парламент, независимый суд, эффективно функционирующие исполнительные и правоохранительные органы. Только при этих условиях власть будет демократической, и только при этих условиях у нас есть шансы на успешную реализацию проектов модернизации.

Но эти условия — необходимые, но недостаточные. Повторю еще раз: сильная демократическая власть должна опираться на широкую общественную поддержку, которая, в свою очередь, требует наличия **общества,** способного сформировать демократическую власть, а также сформулировать и выразить осознанную, консолидированную волю к модернизации.

В связи с этим стоит вспомнить название Манифеста Александра II — «О ***всемилостивейшем даровании*** крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». В этих словах о «всемилостивейшем даровании» прав выражена вся неправовая суть взаимоотношений между властью и российским народом. Народ здесь предстает не как *субъект* правотворчества, а как *объект* монаршей милости, полностью отчужденный от правотворческого процесса. Однако история учит, что модернизационные реформы могут быть успешными лишь тогда, когда люди сами являются творцами своей жизни, а значит — в той или иной форме — и участниками правотворчества. Только в этом случае они осознают свои нужды и интересы как часть *bonum publicum* — «общего блага». Блага, в достижении которого видели смысл существования государства древнегреческие философы, римские юристы, христианские учители, мыслители Просвещения и создатели современных государств — отцы-основатели США, создатель объединенной Германии и её первой реальной конституции «железный канцлер» Бисмарк, Наполеон Бонапарт, спаситель Франции и творец её нынешней конституционной системы генерал де Голль и т.д.

Для проведения такого рода реформ, т.е. реформ модернизационной направленности, нам необходимо восстановление массовой *социальной (в том числе и социально-политической) субъектности.* Люди должны ощутить для себя реальную общность социальных и государственных целей и интересов. А это в полной мере возможно только там, где граждане становятся активными участниками той борьбы за новое право, о которой еще в 1872 г. писал выдающийся немецкий правовед Рудольф фон Иеринг: *«Жизнь права есть борьба... Все великие приобретения...отмену рабства, крепостного состояния, свободу... собственности,... вероисповедания и пр. — все это пришлось добывать... путем... борьбы»*. Борьбы с отжившими системами нормативного регулирования, социальными институтами и практиками, с отживающими свой срок интересами. Результатом этой борьбы стало становление конституционализма, конституционного строя, выкованное, выстраданное в борьбе за право.

Наша Россия вступила на путь правового развития, вовлекающего граждан в демократические процессы формирования и осуществления право-

вой политики государства, намного позже Западной Европы. А это значит, что у нас есть возможность учиться праву и демократии не только на своих ошибках, но и на чужом опыте.

И нам не надо этого стесняться. Россия — великая страна, которая внесла большой вклад в мировую культуру, в том числе — и в философию права (особенно в тех ее аспектах, где философия права соприкасается с нравственно-религиозной философией). Но практический опыт правовой жизни у нас невелик. Глобализация, властно втягивающая страну в орбиту своих процессов, ставит нас перед необходимостью быстро (очень, очень быстро!) пройти тот путь правового развития, который у стран Запада занял многие столетия.

Для этого мы, прежде всего, должны понять, с какими трудностями на этом пути сталкивался и сталкивается сам Запад, не раз балансировавший между «бюрократизацией» и «олигархизацией» демократии, с одной стороны, — и стихией популизма, с другой, и какие уроки он вынес из своего опыта правовой модернизации.

Если мы обратимся к современной западной политической философии и, в частности, к работам наиболее известного, пожалуй, из ныне живущих политических мыслителей, Ю.Хабермаса, то увидим, какое большое значение он придает, во-первых, привлечению к участию в политической жизни и в правотворческом процессе самых широких слоев гражданского общества и, во-вторых, — необходимости защитить свободу рядовых граждан в осознании и выражении ими своих интересов от давления со стороны административной и экономической систем, использующих мощные властные, финансовые и информационные ресурсы.

Хабермас развивает классическую либерально-демократическую идею о том, что закон существует лишь для того человека, который либо участвовал в его создании, либо согласился с ним. При этом Хабермас подчеркивает, ссылаясь на Жан-Жака Руссо, что для любого другого человека — это уже не закон, а заповедь или приказ [4].

В этой связи Хабермас говорит о необходимости такой организации законодательного процесса, когда решение большинства считается рационально мотивированным итогом дискуссии, в которой принимают участие *все*. Причем под словом «все» он имеет в виду не только членов парламента, которые имеют возможность высказаться и (что не менее важно — быть услышанными, чтобы не оказаться в ситуации, которую он называет *«гласность без слышимости»*). Под словом «все» Хабермас имеет в виду всех граждан государства, каждый из которых, как носитель *свободной разумной воли,* в той или иной мере влияет (или имеет возможность влиять) на законодательный процесс, будучи участником широкого социально-политического дискурса.

Применительно к нашей ситуации это означает, что без формирования широкой сети структур гражданского общества невозможно ввести законодательный процесс в правовое русло. Никакое совершенствование избирательного и парламентского законодательства само по себе не станет достаточной гарантией правового качества принимаемых законов и последовательного законоисполнения.

При этом необходимо такое участие граждан в социально-политическом процессе, которое носило бы массовый характер, было бы живым, неформальным, осознанным, не подверженным манипулированию. Только в этом случае консенсус, достигнутый в ходе широкого социального дискурса, будет выражать ту общую волю, которая должна лежать в основе правового закона.

В этом смысле можно сказать, что право как форма свободы возможно лишь там, где **люди не только адресаты** действующего права, **но и творцы и защитники права,** и в этом смысле — **активные участники правовой политики.** Там же, где люди — лишь объекты правовой политики, там вместо права как формы свободы людей действуют навязываемые им приказы отчужденной от них насильственной власти [5]. С этих позиций становятся более понятны глубинные причины провала российской правовой реформы XIX в., основанной на «всемилостивейшем даровании» прав.

«Действительная и полная правосубъектность индивидов, — писал В.С.Нерсесянц, — предполагает и их законотворческую правосубъектность, их соучастие (в той или иной форме) в законотворчестве, их право на участие в установлении правового закона. Свобода возможна лишь там, где люди не только ее адресаты, но и ее творцы и защитники. Там же, где люди — лишь адресаты действующего права, там вместо права как формы свободы людей действуют навязываемые им свыше принудительные установления и приказы отчужденной от них насильственной власти (деспотической, авторитарной, тоталитарной)».

Но здесь неизбежен вопрос: а в каком случае и в каком качестве люди становятся полноценными социально-политическими субъектами, и в том числе субъектами правотворчества?

Мировая история дает на этот вопрос однозначный (и очень болезненный для всей, в том числе западной, современности) ответ: в том случае, если эти люди составляют гражданское общество. О том, насколько болезненным является для западной современности этот ответ, говорят, например, исследования таких крупных современных социологов, как Пьер Бурдье и Зигмунт Бауман.

П.Бурдье, в частности, пишет, что *«создание потребностей сегодня заменяет нормативное регулирование, реклама занимает место идеологической индоктринации, а соблазны заменяют надсмотр и принуждение»* [6]. А З.Бауман, анализируя признаки нарастающего в западных обществах агрессивного индивидуалистического эгоизма, с горечью отмечает: *«Поскольку сутью всякой морали является ответственность, которую люди берут на себя за человечность других, то именно она должна стать мерилом этических стандартов общества... Будем откровенны: у нас нет веских рациональных причин считать себя «сторожами своих братьев», заботиться о них, да и*

вообще быть моральными... Только сама нравственность и может поддержать себя» [7].

Отсюда делается ясный вывод: социальная структура, состоящая из воинствующих индивидуалистов, лишенных общих нравственных оснований, не является полноценным гражданским обществом и не может быть ни субъектом политики, ни субъектом права. Ее «общий голос», даже будучи услышанным, представит собой не социальный консенсус, а какофонию противоречивых или даже взаимноконфликтных эгоистических интересов.

Но в России в результате обрушения прежней социальной нормативности и мощного «ветра» зарубежных влияний, связанных с информационно-культурным открытием страны в условиях глобализации, аномия в социальной системе, видимо, даже глубже, чем на описываемом Бурдье и Бауманом Западе.

И это — одна из главных проблем, которые нам предстоит решать в ходе российской социально-нормативной и правовой модернизации.

Если с учетом всего сказанного попытаться сформулировать актуальные задачи широко понимаемой российской правовой модернизации, то можно выделить ее **три основных направления:**

1) социально-нормативная и правовая модернизация российского общества;
2) модернизация системы права;
3) правовая модернизация государства.

При этом каждое направление существует не само по себе, а во взаимосвязи с другими.

Социально-нормативная и правовая модернизация российского общества

Под социально-нормативной и правовой модернизацией российского общества как базовой составляющей российской модернизации я понимаю следующее.

Это, *во-первых,* то самое нравственное воспитание масс, о котором говорили В.С.Соловьев и другие российские политические мыслители. Задача архисложная, требующая системного вовлечения в ее решение и государства, и школы, и семьи, и религиозных институтов, и всех (безусловно, существующих в стране) здоровых общественных сил, и — подчеркну особо — всей системы средств массовой информации. В первую очередь — телевидения.

Как это может быть организовано — отдельная непростая тема, которой я здесь касаться не буду. Подчеркну лишь, что такого рода нравственное воспитание невозможно без провозглашения и последовательного отстаивания системы духовно-моральных идеалов.

Не сомневаюсь, что этот мой тезис вызовет подозрения в намерении заняться созданием и утверждением очередной «государственной идеологии». Отвечу: я убежден, что в ходе борьбы с коммунистической идеологией у нас нечаянно вместе с водой выплеснули и ребенка. И сошлюсь например, на американское — глубоко идеологизированное — общество. В котором центральный идеал Америки как высоконравственного и устремленного в будущее общества, созидающего «Сияющий град на холме», активно, последовательно, настойчиво, иногда даже навязчиво внедряется в общество «с младых ногтей». И этот идеал и эта идеология оказываются одной из главных скреп, удерживающих это все более сложное общество в состоянии гражданственности и устойчивости.

И это, *во-вторых,* создание правовых условий для развития гражданского общества как системы независимых горизонтальных коммуникаций между людьми и их объединениями. Коммуникаций, формирующих такую общественную дискуссию по социально значимым проблемам, в рамках которой была бы обеспечена не только гласность, но и слышимость (если воспользоваться еще раз формулой Ю.Хабермаса).

При этом речь идет не только о том, что общество должно быть способно услышать (т.е. понять) позиции всех заинтересованных сторон, чтобы выработать разумный компромисс. Когда я говорю «слышимость», то имею в виду и то, что основные позиции общественного дискурса будут услышаны органами власти и учтены при принятии властных решений. Ведь только подобный учет и согласование на основе принципа справедливости всего спектра социальных позиций способны снять всегда в той или иной мере возникающее отчуждение между властью и обществом. А значит, придать решениям органов власти характер движения к общему благу, т.е. *подлинно правовой характер.*

Очень важно, чтобы влияние государства не выходило за рамки создания правовых условий и стимулов для свободного развития гражданского общества, т.е. не стало бы использованием административного ресурса для манипулирования сознанием и поведением людей

Исходя из жесткой спрессованности исторического времени, отведенного России на формирование гражданского общества, надо признать, что нам не обойтись без активного участия государства в этом процессе. Однако очень важно, чтобы влияние государства не выходило за рамки создания правовых условий и стимулов для свободного развития гражданского общества, т.е. не стало бы использованием административного ресурса для манипулирования сознанием и поведением людей.

Решение задач модернизации требует *стратегического согласия* в обществе. Отсутствие тако-

го согласия (что в той или иной мере неизбежно в условиях переходного периода и резко ослабленной социальной нормативности) порождает у государственной власти соблазн «продавить» тем или иным способом свое представление о целях развития страны и путях их достижения. Однако при таком подходе власть может вновь оторваться от общества, создать между собой и социальными массами непреодолимый разрыв отчуждения. А это в нынешних условиях чревато для власти огромным риском (в очередной раз в нашей истории!) *утратить контроль над социальной и политической ситуацией в стране.*

Еще один необходимый аспект конструктивного влияния государства на формирование гражданского общества связан с правовым просвещением, направленным на формирование конституционного правосознания и мировоззрения. Конституция — это генеральное соглашение между всеми социальными группами, включая власть, бизнес, общество в целом, о фундаментальных правилах, по которым живет страна (ведь в буквальном переводе Конституция означает устроение). Поэтому конституционное мировоззрение, ориентированное на социальное согласие, — это еще один важный компонент идеологии (еще раз подчеркну, что не боюсь этого слова), способной объединить наше уже очень сильно расколотое общество.

Формирование конституционного мировоззрения необходимо всем слоям и группам российского общества. Однако следует особо отметить роль совершенствования юридического образования для повышения профессионального сознания юристов (и прежде всего — представителей судейского корпуса). При этом речь должна идти не только об овладении будущими юристами необходимым массивом фактических знаний, но и об освоении ими человекоцентричного правопонимания, положенного в основу российской Конституции.

Модернизация системы права

Она включает в себя, прежде всего, повышение правового качества принимаемого законодательства, в том числе — за счет более широкого использования интеллектуального потенциала существующих структур гражданского общества.

Решение этой задачи напрямую зависит от состояния *общества* и *государства*. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что мы имеем дело с замкнутым кругом, когда один элемент системы нельзя исправить, не совершенствуя другой. Думаю, что это не так. Главное — верно найти то звено, ухватившись за которое, можно постепенно выправить всю ситуацию.

Таким звеном, по моему мнению, является создание правовых условий для повышения конструктивной социальной, политической, правотворческой активности широких слоев населения.

Первым (пусть небольшим, но вполне заметным по своим результатам) шагом на пути повышения правового качества законов могло бы стать совершенствование научного обеспечения правотворчества, включая привлечение к работе над отдельными законопроектами и к выработке законодательной политики в целом широких слоев научной общественности, представляющих различные идейно-политические подходы, а также обеспечение максимальной открытости правотворческой деятельности. Думаю, что только в рамках сопровождающей этот процесс профессиональной научной дискуссии может быть выработан тот общий правовой дискурс, последовательное применение которого может дать существенное повышение качества правотворчества.

Правовая модернизация государства

Она должна быть ориентирована на все более полное воплощение в жизнь конституционных положений о том, что Российская Федерация — это правовое, демократическое, социальное государство. Рассмотрение этой колоссальной по своему масштабу и сложности задачи трудно уложить в рамки небольшого выступления. Поэтому остановлюсь коротко лишь на двух наиболее актуальных проблемах.

Речь идет о более полном осуществлении конституционных положений о **независимости суда,** а также о разработке и реализации системы мер по **противодействию коррупции.**

Прежде всего, я исхожу из того, что судебная власть в России действительно состоялась. В противном случае все разговоры о модернизации лишаются смысла.

Однако главная задача проводимой в стране судебной реформы — задача обеспечения реальной независимости судебной системы — все еще остается не решенной. А.Кудрин, выступая в феврале 2011 г. на VIII Красноярском экономическом форуме, привел результаты недавнего опроса предпринимателей, проведенного по заказу РСПП в рамках изучения делового климата. Как показал опрос, 45% респондентов заявили, что в последние годы сталкивались с нарушением их прав со стороны органов власти, и лишь 8% — что сталкивались с проблемами со стороны криминалитета. Эти цифры говорят сами за себя.

Я не буду здесь рассуждать о причинах такого положения дел — они хорошо известны. Их преодоление возможно лишь в рамках комплексной реализации всех направлений правовой реформы, включающей в себя судебную реформу в качестве одного из аспектов. Перечислю лишь некоторые конкретные меры, принятие которых, на мой взгляд, стало бы важным шагом на пути решения проблемы.

Анализ опыта становления судебной системы России в постсоветский период позволяет в числе таких мер указать на:

1) Нахождение разумного баланса между административными полномочиями председателей судов

по организации судопроизводства и недопустимостью их вмешательства в процесс рассмотрения дел судьями по существу (т.е. полномочия председателей должны носить организационно-технический характер). В этой связи целесообразно, в частности, введение автоматической системы распределения дел между судьями в судах общей юрисдикции, как это сделано в арбитражных судах.

2) Разработка и последовательное внедрение (прежде всего, на уровне квалификационных коллегий судей) критериев привлечения судей к дисциплинарной ответственности, которые обеспечили бы надлежащий баланс между их независимостью и ответственностью. В этой связи я считаю целесообразным вернуться к вопросу о формировании специальных «квалификационных» судов, которые, будучи судебными органами, приняли бы на себя существенную часть функций квалификационных комиссий, прежде всего в части дисциплинарной ответственности. Целесообразно также установление иных, помимо существующих, видов дисциплинарных взысканий для судей (таких как понижение квалификационного класса судьи, лишение премии или понижение зарплаты на какой-либо период, а также вынесение решения о привлечении к дисциплинарной ответственности без наложения конкретного взыскания).

3) Недопустимость оценки квалификационными коллегиями качества выносимых судьями актов (в особенности, в отсутствие их негативной оценки вышестоящими судами). Кроме того, само по себе количество отмен судебных решений, вынесенных конкретным судьей, также не должно автоматически становиться основанием для лишения его полномочий.

4) Радикальное изменение подходов к регулированию сроков рассмотрения судами дел: сложившееся еще в советский период жесткое регулирование данных сроков в законе сопровождается дисциплинарными санкциями по отношениям к судьям за их нарушение. Соответственно, это порой вредит качеству рассмотрения дел и ставит судей в стрессовую ситуацию выбора между тщательным и всесторонним рассмотрением дела и соблюдением установленных законом сроков. Необходимо внедрение новых подходов к срокам рассмотрения дел, которые должны определяться, в том числе, и самим судьей с учетом особенностей конкретного дела, в приблизительных рамках, устанавливаемых законом. Первый шаг в этом направлении уже сделан — введение в российское право понятия «разумного срока» рассмотрения дел после принятия Закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводства в разумный срок или права на исполнение судебных решений в разумный срок».

5) Преодоление обвинительно-карательного уклона в правосудии, порождаемого слишком тесной связью суда и органов следствия. Доля оправдательных приговоров в России сохраняется на уровне менее 1% от общего числа (0,8%, по официальным данным Судебного департамента за 2010 г.). В.М.Лебедев в недавнем выступлении называл другую цифру — 4%, однако это справедливо только для приговоров, выносимых судами субъектов РФ (и, возможно, на эту цифру влияют оправдательные приговоры, выносимые судом присяжных). По судам других уровней статистика оправдательных приговоров составляет: 0,3% в районных судах и 1,5% у мировых судей (данные с официального сайта Судебного департамента). Таким образом, сохраняется автоматически-обвинительный уклон правосудия в уголовном судопроизводстве.

Что касается проблемы коррупции, то в последнее время многие эксперты охотно рассуждают о ее «системном характере», как бы освобождая себя, таким образом, от необходимости разработки конкретных мер по противодействию коррупционным проявлениям. Полагаю, что такой подход является неконструктивным. Надо начинать хотя бы с малого и, проявляя политическую волю, последовательно двигаться к цели.

Я бы выделил здесь следующие направления работы:

1) выполнение международно-правовых обязательств России в борьбе с коррупцией (последовательная реализация соответствующих конвенций);
2) разработка Концепции антикоррупционной политики;
3) разработка Концепции государственной службы;
4) доработка и принятие Федерального закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике»;
5) определение места антикоррупционных мер в административной реформе, реформе правоохранительных органов и спецслужб;
6) совершенствование правовых мер борьбы с коррупцией в судебной системе.

Таким образом, на мой взгляд, здесь первоочередная задача состоит в том, чтобы выполнять соответствующие международные конвенции и взяться за приведение российского законодательства в соответствие с их требованиями.

В заключение я хотел бы еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что всякая успешная модернизация в истории человечества, будь то переход к «ordo novus», порядку христианского мира (середина первого тысячелетия), будь то переход от аграрного общества к индустриальному, будь то современная модернизация эпохи перехода к постиндустриализму, — есть, прежде всего, **правовая модернизация.**

«Протомодернизация» середины первого тысячелетия неразрывно связана с окончательным формированием системы римского права в том виде, в каком оно дошло до нас в «*Corpus juris civilis*» Юстиниана — т.е. в виде стройной, рациональной, всеохватывающей системы норм, институтов и универсальных правовых моделей. Системы, лишенной пережитков, «наростов», «перегородок» и ориентированной на свободу, благо и справедливость.

Модернизация периода становления классического модерна, периода перехода от аграрного общества к индустриальному, — это также борьба за новое право.

Наконец, современная модернизация, модернизация постиндустриальной эпохи — это тоже, по сути своей, правовая модернизация, борьба за право. И даже более того — *борьба за сохранение права и как идеи, и как реально действующей нормативной системы.* Борьба не только за те или иные правовые новеллы, и даже не только за новую глобальную систему права, но и борьба с теми, кто захочет ниспровергнуть право как таковое, заменить его Faustrecht'ом, правом сильного. С теми, кто желает ввергнуть мир в хаос и анархию. Борьба с организованной преступностью, политическим и религиозным, терроризмом, экстремизмом — но также и с хищническим эгоистическим глобальным псевдопредпринимательством, раздувшим «мыльный пузырь» необеспеченных финансовых инструментов и ввергнувшим в кризис мировую экономику.

Современная правовая реформа должна быть неразрывно связана не только с целями развития нашей страны и тенденциями глобальных трансформаций мироустройства. Она должна быть столь же тесно связана с массовыми идеалами и смыслами бытия.

Определить и структурировать правильные ориентиры модернизационного реформирования общества и государства — в этом центральная задача социально-нормативной и правовой реформы России в XXI веке.

Напоследок еще раз вернусь к тезису, который я считаю не только одним из центральных, но и, так сказать, стержневым.

Все мы здесь правоведы. И как бы не наше дело погружаться в моральную проповедь. Однако я призываю всех собравшихся осознать, что никакая — даже самая глубоко и изощренно разработанная и формально совершенная — правовая система не будет полноценно действовать, если она лишена фундамента в виде нравственного общества.

Нам предстоит одолеть трудный путь воссоздания в России массовой здоровой моральной нормативности. Только на такой основе может быть реализован либерально-демократический принцип полноценного сотворчества масс в создании системы права. Права не дарованного, а выстраданного и завоеванного в борьбе за отчетливо понимаемое ***общее благо.*** И только тогда путь нашей столь необходимой модернизации не будет прерван контрреформами, как ими был прерван путь реформ Александра II.

Мы переживаем особый момент в нашей истории. Момент, когда прерывание необходимой модернизации может превратиться не в очередной эксцесс, что уже немало, а в окончательную катастрофу народа и государства. Осознавая остроту момента, я убежден, мы сумеем ответить достойно на столь масштабный вызов.

1. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Политические работы, 1895-1919. М., 2003.
2. *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М., 1862.
3. *Соловьев В.С.* Право и нравственность // Власть и право Из истории русской правовой мысли. Л., 1990.
4. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003
5. *Нерсесянц В.С.* Философия права Гегеля. М., 1998. С. 164.
6. Социоанализ Пьера Бурдье. СПб., 2001.
7. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.

Выступление А.И.Иванова, Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

Тема великих реформ Александра II не просто не закрыта после громкого празднования юбилея отмены крепостного права, но только начинается.

Отмена крепостного права, земская реформа, городская реформа, судебная, полицейская и военные реформы, проведенные императором, изменили структуру государственного управления, стали стимулом для появления новых общественных классов, развития рынка и крестьянского предпринимательства, создания качественного нового устройства армии и полиции и появления новой совершенной по своему замыслу и ставшей образцом на десятилетия вперед судебной системы.

Сегодня мы только начинаем задумываться, какие уроки до сих пор не извлекли из не столь уж давней и все еще актуальной истории. И главный из них — лишь с помощью независимой, профессиональной и открытой судебной системы мы можем довести до конца дело, начатое Александром Освободителем 150 лет назад.<...>

Полтора века назад императорский манифест оповестил Россию о начале преобразований, истинное значение которых в полной мере не смогли оценить ни современники, ни их потомки. Просто поразительно, сколь огромное влияние на совре-

менную действительность оказывает тот краткий период реформ позапрошлого столетия, который продолжался совсем недолго и был так бесцеремонно прерван бомбами радикалов и реакцией Победоносцева. Едва ли не единственный в российской истории пример ненасильственной и успешной модернизации страны стал также и примером того, насколько далеки могут быть друг от друга представления власти и общества о темпах и методах осуществления реформ.

Недавно отмеченный юбилей отмены крепостного права — не первая и, конечно же, далеко не последняя попытка осмысления уроков преобразований, совершенных Александром II и его правительством. Это и неудивительно, учитывая то, насколько глубоко эти реформы изменили буквально все сферы жизни российского общества. Строго говоря, представители практически любой специальности могут с полным основанием отмечать юбилей реформ Александра II, обсуждая их влияние на юриспруденцию, образование, науку, политику, экономику или военное дело.

Формально-инквизиционный подход к правосудию, подчинение судебных органов исполнительной власти, запутанная система пересекающихся юрисдикций, неразвитость процессуального законодательства — сочетание таких факторов способно лишить остатков эффективности любую судебную систему

Масштаб свершений был таков, что я мог бы все отведенное мне время потратить только на перечисление указов, законов, положений и манифестов, увидевших свет в течение одного бурного десятилетия XIX в. и решительно преобразивших Россию. Однако я бы хотел ограничиться упоминанием только двух, зато, на мой взгляд, самых важных аспектов: крестьянской и судебной реформ.

Если бы царствование Александра II ограничилось лишь освобождением крестьян и созданием совершенно новой для России системы правосудия — одного этого было бы достаточно для того, чтобы признать этот период одним из величайших в нашей истории. Но удивительно, насколько разными путями шли эти две важнейшие реформы, насколько разным духом были пропитаны их инициаторы, насколько различными оказались результаты их трудов.

Вообще, оценивая сегодня то, что совершили 150 лет назад наши великие предшественники, очень трудно удержаться от соблазна сопоставления двух главных реформ 1860-х гг. Их предпосылки были очень сходными — и в сфере отправления правосудия, и в крестьянском вопросе к середине позапрошлого века назрел тяжелейший кризис. Официальная статистика отмечала деградацию помещичьего сельского хозяйства: за всю вторую четверть XIX в. урожайность в России выросла всего на 0,5%, помещики массово разорялись и превращались в должников государства. А самое главное — крепостническая модель хозяйствования утратила в глазах российского общества свою легитимность. На всех его уровнях, от крестьян до императора, существовало понимание того, что консервация существующего порядка не может продолжаться бесконечно, что каждый лишний год промедления только ухудшает состояние дел.

Известно емкое определение шефа жандармов А.Бенкендорфа: «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством».

Положение дел в российском судопроизводстве этого периода можно описывать в таких же — мрачных — красках. Формально-инквизиционный подход к правосудию, подчинение судебных органов исполнительной власти, запутанная система пересекающихся юрисдикций, неразвитость процессуального законодательства — сочетание таких факторов способно лишить остатков эффективности любую судебную систему. К тому же эта система вызывала жесткое неприятие российского общества, которое по отношению к судебному ведомству пришло к такому же негативному консенсусу, как и по отношению к крепостничеству: в праве на уважение, на признание судебной системы общественным мнением было решительно отказано.

Как видим, перед реформаторами и в одном, и в другом случае стояли аналогичные задачи невиданной сложности: демонтировать совершенно непригодную к работе часть государственного механизма, заменив ее на новую, адекватную задачам текущего момента. Насколько же разными, прежде всего в идеологическом плане, оказались принятые ими решения.

Освобождение крестьян оказалось в руках той группы государственных деятелей, которая искренне верила в концепцию особого пути России, во врожденный коллективизм русского крестьянина и имманентно присущую ему любовь к «миру», к общине. Идеологи крестьянской реформы декларировали желание не только освободить крестьян, но и сохранить специфический «славянский дух» в деревне: сохранить таким, каким его представляли себе входившие в состав редакционной комиссии министры, чиновники, землевладельцы и профессора Московского университета. Отсюда — общинная собственность на отдельные виды земли и ограничения частной инициативы.

Разработчиками судебной реформы стали ученые и юристы, кропотливо изучившие самые эффективные для своего времени зарубежные правовые системы — такие, как Гагарин, Оболенский, Зарудный, Калачев, Буцковский, Ровинский, Стояновский, Замятнин и даже Победоносцев. Они ставили перед

собой амбициозную по любым меркам задачу — осуществить синтез англо-саксонской и континентальной правовых систем, сформировать в стране совершенно новую судебную иерархию, одновременно переходя от формально-инквизиционного к состязательному судопроизводству. И все это предстояло совершить в обществе, полностью лишенном каких-либо традиций публичного правосудия.

Кажется, что перед разработчиками двух этих важнейших реформ стояли не сравнимые по сложности задачи. Одним надо было законодательно оформить уже фактически существовавшее крестьянское землепользование, всего лишь добавив посильную для государства систему компенсаций помещикам. Другим же предстояло практически с нуля выстроить институцию, которой в Российской империи просто не существовало. Результат же, как мы знаем, оказался неожиданным.

Те, условно говоря, западники, которые готовили судебную реформу, совершили невозможное. В стране, которая никогда не была полигоном для внедрения либеральных правовых ценностей, они смогли реализовать принципы, сохраняющие актуальность до сих пор: осуществление правосудия только судом, независимость судов и судей, отделение судебной власти от обвинительной, несменяемость судей, бессословность суда, гласность судопроизводства, состязательность, устность судопроизводства. Наконец, впервые в истории российского правосудия был введен суд присяжных. Разумеется, эта система не заработала идеально с первых же дней существования, но она работала и довольно быстро воспитала череду крупных юристов, чьим наследием мы пользуемся до сих пор.

В то же самое время усилия, предпринятые для того, чтобы крестьянская реформа сохраняла национальный дух, дали совсем иной результат. Крестьяне получили личную свободу. Но, раздробив крупные хозяйства, эта реформа создала массу барьеров для их нового укрупнения с вытеснением части крестьян в города. Процесс формирования класса собственников и расслоения крестьянства искусственно замедлялся. Понадобились еще полвека и первая русская революция, и реформы Столыпина, чтобы снять эти ограничители. А потом — еще одна революция, коллективизация, окончательное лишение крестьян земли и, наконец, хрущевская отмена ограничений на выход из деревни, чтобы наконец-то завершился процесс преобразования крестьянского по преимуществу общества в индустриальное, городское.

Полагаю, всем знакомо высказывание о том, что история не терпит сослагательного наклонения. Разумеется, как и всякая банальность, и это высказывание сильно искажает истину: историкам (и не только) очень полезно задаваться вопросом о возможных последствиях тех или иных решений. Но вот чего история точно не терпит, так это натянутых аналогий. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы рассуждения об успешности реформы, проведенной по западным образцам, в противовес полууспеху реформы «суверенной», совмещенной с изобретением особого русского пути развития, рассматривались как намек на события сегодняшнего дня. История не делает намеков. История дает нам уроки. И один из главных уроков александровских реформ полуторавековой давности состоит не в том, какая из реформ была проведена успешнее, а в том, что всего через полвека все их плоды были сметены революцией, и только в наши дни, в последние два десятилетия мы снова обращаемся к их наследию.

Реформы 1860-х дали российскому обществу массу полезных и хорошо продуманных институций: независимые суды, местное самоуправление, университетские уставы и много чего еще. Единственное, чего они не успели дать, это сильного и многочисленного класса собственников. В российском обществе к моменту старта реформ Александра II еще не успело выкристаллизоваться отчетливое понимание того, что массовое обретение собственности (а мы говорим, прежде всего, о частной собственности) вчерашними крепостными — это не только обретение крестьянами привилегий и средств к достойному существованию. Собственность — это еще и целый набор обязанностей, которые новый собственник должен осознанно принимать на себя. Не бывает свободы без бремени ответственности, невозможно и нелегитимное обладание благами собственности без тех ограничений, которые накладывает владение этой собственностью. Увы, понимание этих истин, которые сегодня представляются нам вполне тривиальными, пришло к российскому обществу слишком поздно.

Александр II и его кабинет к концу реформаторского десятилетия оказались перед лицом общества, пораженного тяжелой формой специфического инфантилизма. Не было ни одного класса, ни одной социальной группы, которая не считала бы, что правительство обязано выполнить именно ее требования. Парадоксальным образом все те, кто смог извлечь наибольшую выгоду из проведенных реформ, объединились в своем недовольстве реформаторами.

И это еще не самое страшное. Куда страшнее оказалось то, что без сильного, многочисленного, социально ответственного класса собственников самые лучшие общественные институты работали совсем не так, как планировали их создатели: суды присяжных оправдывали террористов, земства вводили телесные наказания и т.д.

Россия заплатила огромную цену за доказательство одной истины: невозможно успешное осуществление комплексных реформ такого гигантского масштаба без взаимной координации работы во всех сферах, без единой идеологии преобразований. Принципиальные расхождения во взглядах на методы проведения крестьянской и судебной реформ вышли далеко за пределы споров между славянофилами и западниками: они привели к тому,

что самые тщательно разработанные правовые механизмы, самые выверенные законы попали в руки не к ответственному классу мелких и средних собственников, который так и не был создан. Результаты трудов лучших представителей либеральной правовой мысли достались радикальным или ультраконсервативным группам. Печальный парадокс — именно те, кто больше всех говорил о благе народа, начали охоту на императора-освободителя, более других сделавшего для создания в России по-настоящему свободного общества. И именно эта охота нанесла делу освобождения России наибольший вред: уже после первых покушений и убийств сворачивание реформ и усиление влияния реакционеров стали неизбежны.

Сейчас этот урок представляется нам очевидным. Но если мы видим дальше и понимаем больше, то это только потому, что стоим на плечах гигантов. Мы с высоты полуторавекового опыта понимаем, насколько необозримым, фантастическим был масштаб преобразований, совершенных всего за одно десятилетие царствования Александра II. Видим, сколь огромным было значение появления в стране миллионов лично свободных людей, получивших права и обязанности, в которых им веками отказывали. Понимаем, что создание новой полноценной судебной системы стало первым со времен Петра Великого успешным примером инкорпорирования важнейших правовых институтов европейской цивилизации в российскую действительность. За последовавшие 150 лет в российской истории были и периоды откатов к прошлому, были революции, были ужасающие своими масштабами социальные катастрофы, но были и новые попытки вернуться на путь, ведущий к созданию демократического общества свободных людей. Путь, на котором императорский «Манифест» 3 марта 1861 года был и остается одной из главных путевых отметок. Если верно, что всякий народ, желающий называться цивилизованным, должен пережить в своей истории момент обретения свобод, то реформаторские манифесты Александра II — это именно тот момент в истории России. В них наша *Magna Charta,* наш *Corpus juris civilis,* наша Декларация прав человека и гражданина. Это — наше наследие. И, возможно, самое ценное.

Закрытое акционерное общество
«Евро-Азиатская корпорация развития»

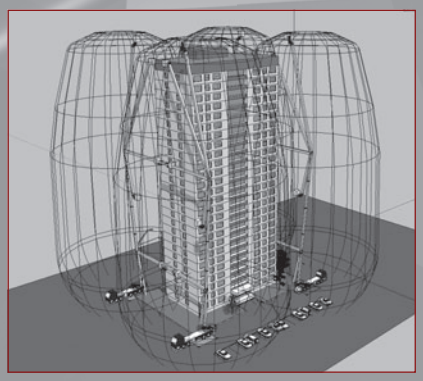
ИНН 7725602414
КПП 772601001

Главное не прибыль, а качество услуг. Прибыль приложится

Мы предлагаем:

- услуги в области проектирования, строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов различного функционального назначения, а также выполнение функций заказчика и генподрядчика;
- комплексные решения «под ключ» для быстровозводимых зданий различного функционального назначения (проектирование-поставка-монтаж);
- монтаж, ремонт и обслуживание противопожарных систем;
- функции коммерческого представительства;
- научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по тематикам градостроительства, инженерной безопасности, строительных технологий;
- работы по инвестиционному консультированию, содействие в реализации инвестиционных проектов;
- правовое сопровождение инвестиционных и строительных проектов.

Приглашаем к сотрудничеству.



Основания для производства работ:

- Свидетельство о допуске к работам по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства.
- Свидетельство о допуске к работам по подготовке проектной документации, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства.
- Лицензия МЧС на производство работ по монтажу, ремонту и обслуживанию средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений.
- Качество предоставляемых услуг подтверждено сертификатом менеджмента качества ISO 9001:2000.

Контактная информация:
119021 Москва, Оболенский пер., д. 10, корп. 1, офис 54
Тел. +7 (495) 723-21-94
Тел./факс +7 (499) 246-57-81
Электронная почта: bso@dpr.ru, office@euroasiadevelopment.ru
Веб-сайт: www.euroasiadevelopment.ru

РЕКЛАМА